

М.А. Дубова
M.A. Dubova

**«СТАРЫЙ ДОМ» Б. ПИЛЬНЯКА И Ф. СОЛОГУБА:
СЛОВЕСНЫЙ ОБРАЗ В РЕЦЕПЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

**"THE OLD HOUSE" BY B. PILNYAK AND F. SOLOGUB:
VERBAL IMAGE IN THE RECEPTION OF WORKS**

Объект исследования составляют два одноименных рассказа «Старый дом» Ф. Сологуба (1863–1927) – представителя старшего поколения русских символистов, и Б. Пильняка (1894–1938) – одного из основателей орнаментальной прозы. Предмет статьи – словесный образ «старый дом», объективирующий заглавие произведений. Рассматриваются особенности его семантико-стилистического функционирования в художественных текстах названных авторов. Цель исследования состоит в осмыслении роли словесного образа «старый дом» в рецепции рассказов Сологуба и Пильняка. Обозначенный образ изучается с позиций его «семантической многослойности», которая обнаруживается в объективации пространственного континуума произведений, системы персонажей и мотивной парадигмы двух рассказов. На основе полученных данных осуществляется сопоставительный анализ раскрытия словесного образа в тексте двух произведений. Сформулированная цель определяет используемый в статье методологический инструментарий, включающий общенаучные и специальные методы и приемы: описания, анализа и сопоставления, языковой выборки, лингвистического и лингвостилистического анализа литературного текста. Научная новизна проведенного исследования определяется обращением к изучению семантического объема конкретного словесного образа в его тесной связи с содержательными категориями художественного текста на оригинальном языковом материале прозы Сологуба и Пильняка. Осуществляя сопоставительный анализ семантики и синтагматики лексемы «дом» в двух рассказах, автор демонстрирует функциональные возможности словесного образа в художественном тексте, позволяющие выявить общее и частное, индивидуальное, определяющее его роль в содержании конкретного произведения. В выводах обоснованы основные семантические аспекты раскрытия словесного образа «старый дом» в каждом произведении и произведен их сопоставительный анализ.

Ключевые слова: словесный образ, рецепция, семантика, функционирование, Ф. Сологуб, Б. Пильняк.

The object of the study is two stories of the same name "The Old House" by F. Sologub (1863–1927) – a representative of the older generation of Russian symbolists, and B. Pilnyak (1894–1938) – one of the founders of ornamental prose. The subject of the article is the verbal image "an old house", objectifying

the title of the works. The features of its semantic and stylistic functioning in the literary texts of the named authors are considered. The purpose of the study is to understand the role of the verbal image "an old house" in the reception of the stories of Sologub and Pilnyak. The designated image is studied from the standpoint of its semantic multilayeredness», which is revealed in the objectification of the spatial continuum of works, the system of characters and the motivic paradigm of two stories. Based on the data obtained, a comparative analysis of the disclosure of the verbal image in the text of two works is carried out. The formulated goal determines the methodological tools used in the article, including general scientific and special methods and techniques: description, analysis and comparison, language sampling, linguistic and linguostylistic analysis of a literary text. The scientific novelty of the conducted research is determined by the appeal to the study of the semantic volume of a specific verbal image in its close connection with the content categories of a literary text on the original language material of the prose of Sologub and Pilnyak. Carrying out a comparative analysis of the semantics and syntagmatics of the lexeme "house" in two stories, the author demonstrates the functionality of a verbal image in a literary text, which allows us to identify the general and the particular; the individual, which determines its role in the content of a particular work. The conclusions substantiate the main semantic aspects of the disclosure of the verbal image "an old house" in each work and carry out a comparative analysis of them.

Key words: *verbal image, reception, semantics, functioning, F. Sologub, B. Pilnyak.*

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-60-1-21-27

Литературный процесс первой трети XX века представляет собой яркий, самобытный художественный материал как с точки зрения содержания, так и стиля, языковой объективации доминантных идей и концептуальных построений эпохи, который, на наш взгляд, еще долго будет востребован в научной парадигме вследствие своего глубокого потенциала и необходимости восполнения существующих лакун.

Наш интерес связан с рецепцией двух рассказов с одинаковым заглавием «Старый дом», написанных Федором Сологубом в 1911 г. и Борисом Пильняком в 1924 г., построенных в форме воспоминаний. Оба произведения представляют художественно переосмысленный фрагмент истории всей страны (рассказ Пильняка в большей, а Сологуба в меньшей степени), смены эпох и поколений, оригинальный взгляд авторов на свое время. Они в конденсированном виде содержат объективацию переломных моментов российской истории начала XX в., которые в соответствии с художественным методом авторов заявлены не напрямую, а опосредованно входят в текст, находясь как бы на периферии повествования, но при этом определяя судьбы героев: у Сологуба – революционной ситуации 1905–1907 гг., у Пильняка – исторический контекст шире, в него включаются также революция 1917 г. и гражданская война. Таким образом, основанием для выбора рассказов послужило не только единство их заглавия, но и принадлежность авторов к одной историко-культурной эпохе, единство ее атмосферы, переживаемых настроений и как следствие – отражение в текстах схожих идей и мыслей.

Цель статьи состоит в осмыслении роли словесного образа «старый дом» в рассказах Сологуба и Пильняка, в том, чтобы «показать на примере рецепции конкретного произведения» [4] функциональные возможности словесного образа. Иначе говоря, наш исследовательский интерес связан с изучением роли словесных образов в постижении содержания художественного текста. Принимая во внимание, что

«образность в широком смысле понимается <...> как интерпретирующая категория художественного текста, отражающая восприятие действительности субъектом перцепции» [13, 20], мы проанализируем два произведения малой прозы представителя старших символистов Сологуба и «экспрессиониста» [1], одного из ярких представителей «орнаментальной» прозы Пильняка с позиций лингвостилистического подхода. Прежде чем перейти к основному исследованию, отметим, что «словесный образ не сводится к тропу <...> Словесным образом делают языковую единицу <...> и контекст, и способность выражать ценностное отношение автора, служить знаком выражаемых в тексте смыслов» [7, 75].

Образ «дома» входит в семантическое поле «пространство», которое, в свою очередь, концептуализируясь, составляет важный компонент концептосферы русской культуры: «Категории пространства и времени, благодаря свойственной им универсальности и всеобъемлющему характеру, формируют пределы, в которых разворачивается человеческая жизнь, тем самым они определяют все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой» [12, 12]. Иначе говоря, конкретный словесный образ, в нашем случае – дома, позволяет проследить особенности языковой объективации в тексте важных содержательных категорий с целью рецепции произведения.

Обращение к одному из ключевых пространственных образов – дома – вызывает особенный интерес в свете поворота современного научного знания в сторону антропоцентрической парадигмы. В этой связи В.А. Маслова отмечает, что «дом <...> ассоциируется сугубо со "своим" пространством, как-то отгороженным от внешнего мира. Дом служит связующим звеном в общей картине мира: с одной стороны, принадлежит человеку, с другой, связывает человека с внешним миром» [6, 90].

Интересен, в первую очередь, принцип номинации произведений: почему оба автора назвали свои рассказы именно так, акцентируя внимание на этом художественном образе.

По мнению исследователей творчества Пильняка, в его рассказе «Старый дом», имеющем биографическую основу, рисуется дом родителей писателя в Саратове и связанные с ним детские воспоминания Пильняка. Дом, «описанию которого в тесной связи с историей страны и судьбами поколений его владельцев и посвящено произведение в целом» [3, 73], находится на высоком берегу Волги. Эта лексема насчитывает в тексте 50 словоупотреблений, включая дериват *домой*.

Опираясь на содержание заглавия, актуализирующее в рассказе семантическое понятие дома, которое расширяет по мере повествования свой объем – от места рождения до страны, которую пришлось покинуть, рассмотрим семантические аспекты объективации этого образа в произведении:

– дом – место жительства трех поколений семьи Коршуновых, старшие представители которой всю жизнь прожили здесь, и в нем же встретили смерть; более молодые, повзрослев, уехали и в большинстве своем забыли о доме. Автор скупой, штрихами создает его жилое пространство.

Дом хранит память о трех поколениях Коршуновых – Калитиных, которые жили в нем, отмечая зарубками на дверном косяке свой рост. Там до сих пор сохранились даты: самая ранняя из которых «К.М. 12 апр. 61 г.» [9, 14], а самая поздняя – «Н.К. 11 апр. 1924 г.» [9, 14] (в рассказе Сологуба указание на какие-либо даты, позволяющие относительно точно установить время повествования, отсутствует – *М.Д.*). Таким образом в поле авторского внимания находится более полувека жизни обитателей дома: время первого поколения закончилось со смертью Катерины Ивановны 25 октября 1917 г., у которой было 11 детей, «возросло 7» – «инженер, фабрикант, столичный адвокат, –

революционер и революционерка, – оперная актриса, два сына ушли под забойку, в галахи, в оборванцы, в горькие пьяницы...» [9, 16]; «тех, кто вторым поколением возрастал после Катерины Ивановны, их разметало по всей земле, не только русской <...> Третье после Катерины Ивановны поколение <...>, оставшееся в России, <...> металось по России в делах и строительстве, в проектах дел и в строительстве проектов» [9, 20]. Судьба второго поколения, взросление которого совпало с революцией 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войной, оказалась самой несчастливой: вихрь событий разметал их по стране и за ее пределы. Заметим, что, расширяя исторический контекст, Пильняк проецирует судьбу живших в доме поколений семьи на судьбы множества русских семей в эти сложные годы. Так в текст вступает второй семантический аспект раскрытия образа дома – связь с историей России, причем с рядом исторических событий далекого прошлого: «<...> сохранила память или создали домыслы? – что в этом доме бывал Пугачев» [9, 15]. Таким образом уже сама продолжительность «жизни» дома вызывает уважение, его стены хранят память о важных событиях русской истории, осуществляя связь живущих в нем людей с великим прошлым Родины, частичкой которого дом «делится» с каждым поколением Коршуновых – Калитиных: «<...> вспоминали старый дом где-то в Алжире <...>» [9, 20], «Один рассказывал о нем [доме] в городе Петербурге <...> Надежда Сергеевна вспоминала безразлично в Благовещенске, в Восточной Сибири, куда занесли ее <...> осколки колчаковских армий» [9, 20]. Эта связь, приобретая символическое значение, наиболее отчетливо заявлена в финале рассказа.

Наконец, третий семантический план метафорически раскрывает образ дома как символа жизни, которая буйствует и побеждает смерть, малой родины, взрастившей тебя и навсегда занявшей место в твоей душе, как первоисточка, глубинную связь с которым человек пронесет через всю жизнь.

«Странная привязанность» к дому живет в сердцах всех поколений семьи, это крупница малой родины, которая зовет туда, где буйствует природа. Бесконечность природной жизни в противопоставлении с человеческой символизирует лексема *буйный* в значении «Буйный в росте, обильный (о растительности)» [8, 55] и дериваты *буйствовать*, *буйство*, *буйно*, *буй*: «не понять всего **буй** и вольности земли» [9, 15]; «**буйствовала** сирень за загородами палисадов» [9, 23]; «каждую весну **буйничали** Волга, воды, сирени» [9, 19].

Дом, с одной стороны, являясь замкнутым пространством, противопоставлен бескрайним просторам Волги и всей России, а с другой – он словно в сжатом виде эту бескрайность и содержит в себе. Дом разрушается, но есть надежда, что он будет жить в душе уже четвертого поколения Коршуновых как некий символ духовного родства, духовной связи с родиной. В этом смысле символичен финал произведения, когда один из потомков, в свое время уехавший из дома, возвратившись сюда, приходит к постижению той «правды, которая все разводит, как пословица, руками <...>: он понял, что жизнь жива жизнью <...> и острою болью захотелось, чтобы здесь, на террасе, <...> в забытом доме, оторванные жизнью, и все же родные, единокровные, – стали его дочь Катюша (названная, видимо, в честь бабушки Катерины Ивановны – М.Д.) и сын Анатолий» [9, 27]. Вот она преемственность и связь поколений, которую и олицетворяет старый дом, ставший у Пильняка – символом родины и, расширяя свою семантику, – России (заметим, что у Сологуба этот содержательный план отсутствует совсем, у него семантический объем этого словесного образа гораздо уже).

Рассказ Сологуба «Старый дом» «можно назвать феноменологическим <...> сюжет основан на движениях внутреннего мира персонажей, живущих воспоминаниями об умерших <...> Безысходность тоски персонажей, безнадежность их ожиданий,

замкнутость в мире воспоминаний, безразличие к внешним факторам» [5]. Лексема *дом* (23) и ее дериваты *до́ма* (3) и *домо́й* (6) в произведении насчитывают 32 употребления. Заглавие актуализирует образ дома (который, в частности, обнаруживает точки пересечения с «Домом с мезонином» А.П. Чехова [11], особенно в плане импрессионистических приемов изображения) как предмета неживой природы. Дом не принимает активного участия в развитии сюжетного действия (в отличие от рассказа Пильняка), но все время оказывается сопричастным основным событиям в жизни героев. С описания дома начинается авторское повествование: «**Дом** был старый, большой, деревянный, одноэтажный, с мезонином. Стоял он в деревне <...> Вокруг этого **дома** дремотно-зеленеющий сад раскинулся <...> Когда-то этот **дом** был выкрашен в лиловый цвет <...> Казалось, старый **дом** полон воспоминаниями <...> В этом старом **доме** все было по-прежнему, как в те дни, <...> когда еще Боря был жив <...> Теперь **в усадьбе** жили одни только женщины <...> Жили они уже второй год в старом **доме** и ждали младшего в семье, Бориса <...>» [10]. В этом развернутом описании дома намечены все основные семантические пласты раскрытия образа, которые будут развернуты в ходе повествования:

- дом как жилое помещение, место жительства семьи (в этом контексте автору важен его внешний вид, расположение в пространстве как конкретного локуса);
- дом как место мучительных воспоминаний, объединивших трех проживающих в нем женщин (этот семантический план больше всего разработан автором, объективируя одноименный мотив, а также мотивы тоски, ожидания и мечты);
- дом как родное пространство, укрывающее от грубых воздействий внешней жизни, продолжение личного пространства героя.

Заметим, что исторический аспект, в отличие от пильняковского рассказа, входит в сюжет этого произведения опосредованно и связан преимущественно с деятельностью молодых героев – Бориса и Натальи – за пределами дома, а значит – во враждебном им мире, результатом которой становится смерть самого младшего в семье – Бориса.

Первый семантический план задается с начала рассказа. У читателя сразу же формируется образ дома, который описывается через характеристику его размера («большой», «одноэтажный»), времени («старый»), отношение к материалу («деревянный»), по месту расположения («в деревне»). Далее часть из этих характеристик автор будет повторять, акцентируя наиболее важные из них для понимания содержания рассказа. Семантически значимым является адекатив *старый* (10), объективирующий временную характеристику дома, подчеркивающий его древность, обветшалость (краска облезла), но не более того. Тогда как в одноименном рассказе Пильняка эта лексема репрезентирует связь дома с историей нескольких поколений жителей, а через них – всей страны. Дом номинирует место, из которого ежедневно уходят и куда возвращаются героини. Их маршрут однообразен и прост: утром выйти за калитку и дойти до пригорка над рекою, чтобы посмотреть на дорогу, по которой может прийти Боря (Наташа), дойти недалеко от сада к скамейке под старой развесистой липой, откуда видна дорога (Елена Кирилловна), прийти в беседку, высоко над углом забора, откуда также просматривается дорога (Софья Александровна), а вечером все трое идут к затаянному ряской пруду плакать о Боре. Старый дом – это то место, где проводят большую часть жизни героини сологубовского рассказа, где они, объединившись в своем горе, попытались отгородиться от кошмаров окружающей их действительности и узнают о них только из газет.

И здесь первый семантический план проецируется на второй, главный в содержании произведения, объективирующий центральный мотив – воспоминаний:

«Стены старого **дома** о Борисе напоминают <...> [10]. Даже настоящее героинь описывается сквозь призму воспоминаний, акцентируя их мыслительное пространство, которое «полярно, его основу составляет антитеза "жизнь – смерть"» [2, 83]. Причем размышлениям о смерти уделено «гораздо большее место в мыслительном дискурсе героинь. Его центр <...> занимает Борис и все, что с ним было связано, что пока еще хранит память: внешность, поведение, мировоззрение, история жизни и, наконец, смерть, поставившая точку в его земном существовании, с одной стороны, а с другой – ставшая началом отсчета новой жизни в воспоминаниях близких» [2, 83].

Во второй части произведения лексема *дом* преимущественно входит в синтагму «вернуться домой», обозначая то место, где можно спрятаться, отгородиться от всего внешнего мира и страшной вести о казни Бориса, но и там воспоминания не покидают героинь, разъедавая их жизнь. Родные стены не спасают: «ненавистные воспоминания» не пропадают, а возвращаются снова, заставляя вновь и вновь переживать тяжесть потери. Именно поэтому в старом доме тихо и тоскливо, его тишину ничто не нарушает – дом и сам тоскует вместе со своими хозяевами.

Наконец, дом является тем замкнутым пространством, которое позволяет создать героиням некое подобие защищенного от внешнего воздействия мира, в котором все равно есть место страданиям и грусти («В старом **доме** тихо и тоскливо» [10], «Старый **дом** молчит опять тоскливо» [10]), хотя и существует мечта, пусть и несбыточная: «И все опять, как прежде, к мечтам, безумным надеждам устремлено <...> И опять <...> ждут своего Боря три женщины в старом доме, на краткое время счастливые в своем безумии» [10]. Так объективируется мотив ожидания (несбыточного), и героини знают, что Боря казнен и никогда не вернется, но в этой выдуманной действительности им легче переносить свое горе.

На основе проведенного исследования считаем возможным сформулировать следующие выводы:

- словесный образ «старый дом», вынесенный в заглавие рассказов Сологуба и Пильняка, играет важную роль в рецепции произведений;
- лексема *дом*, являясь «средством языковой объективации» [3, 76] лейтмотивов рассказов, создает семантически многоплановый художественный образ;
- дом характеризуется как пространственный локус, как компонент пространственного континуума произведений;
- семантический объем словесного образа «старый дом» в рассказах писателей разный. В произведении Пильняка он шире и глубже: «старый» не только потому, что древний, ветхий, но и потому, что был свидетелем многих важных для истории страны событий (этот аспект не затронут Сологубом);
- в обоих рассказах дом является тем местом, которое объединяет семью, хотя связь поколений в рассказе Пильняка актуализирована гораздо последовательнее;
- дом – объект воспоминаний героев, репрезентирующий их мыслительный дискурс;
- основные характеристики дома, выявляемые на основе синтагматических связей этой лексемы, содержатся в речи повествователя, что объективирует авторскую позицию в тексте.

Таким образом, лексема *дом* в рассказах Пильняка и Сологуба номинирует не только важный пространственный локус, объективирующий авторскую картину мира, а также носит концептуальный характер, раскрывая разные семантические планы.

Л.Анпилова Л.Н. Проза Бориса Пильняка 1920-ых годов. Опыт русского экспрессионизма: монографический очерк. Екатеринбург, 2008.

2. Дубова М.А. Рецепция рассказа Ф. Сологуба «Старый дом»: лингвостилистический анализ колоративов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2023. № 4. С. 72–78.
3. Дубова М.А. Концепт «пространство» и способы его репрезентации в рассказе Б. Пильняка «Старый дом» // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2018. 3(31). С. 72–79.
4. Дубова М.А., Ларина Н.А. Филологический анализ текста: рецепция рассказа И.А. Бунина «Эпитафия» // Филология: научные исследования. 2021. № 12. С. 71–81. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35179 (дата обращения: 25.01.2024).
5. Красильников Р.Л. Танатологические концовки в рассказах Ф. Сологуба // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tanatologicheskie-kontsovkki-v-rasskazah-f-sologuba/viewer> (дата обращения: 25.01.2024).
6. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 5-е изд. М., 2011.
7. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учебник для студ. учреждений высш. образования. М., 2014.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М., 1986.
9. Пильняк Б. Старый дом // Пильняк Б.А. Расплеснутое время: Романы, повести, рассказы. М., 1990.
10. Сологуб Ф. Старый дом. URL: <https://litbit.ru/ru/sologub-fedor/staryy-dom?ysclid=lja5chz2yu684385892> (дата обращения: 27.01.2024).
11. Ступакова Е.С. Ф. Сологуб и Ан. Чеботаревская: проблема творческого взаимодействия: дисс. ... канд. филол. наук. Харьков, 2007.
12. Топорова Т.В. Об архетипе «воды» в древнегреческой космогонии // Вопросы языкознания. 1996. № 6. С. 91–96.
13. Халикова Н.В. Словесный образ «облака движутся» в текстах произведений и дневников М. Пришвина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2023. № 1. С. 19–27.